
Наталья Зимина
Хозяйка «Пьяного дракона»

Наталья Зимина
Хозяйка «Пьяного дракона»

https://litres.ru/74744218
SelfPub; 2026

Аннотация

Сорок лет. Вдова. Кафе на восемь столиков в Твери. А проснулась Марина — хозяйкой таверны «Пьяный дракон» в мире, где по тракту ходят гномы и стража, орк моет тарелки мечом («мечом чище!»), а рыцари едут из столицы — за тарелкой борща.

У неё есть всё, чтобы выжить: поварёшка, тверская смета и суп, который снимает похмелье за пять минут. Слава о супе идёт по тракту, за столами — свои: добрый Грым, быстрый Пип, сэр Каспар. И только эльф с серебряными волосами приходит каждый день, ровно в шесть, садится в углу — и молчит. Три месяца. Один и тот же чай.

Почему он молчит? Что за война идёт за лес и за таверну — между конкурентом с мешком золота и королевским лесничим? И что будет, когда Марина узнает, что её суп — слабая магия, а лечит он не только похмелье?

Любовное фэнтези о втором шансе: попаданка за сорок, молчаливый эльф с разбитым сердцем, дракон на крыше и борщ, который спасает мир. Точнее — миры.

Наталья Зимина
Хозяйка «Пьяного дракона»

ГЛАВА 1. ПОХМЕЛЬЕ В ДРУГОМ МИРЕ

Марина проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Рука была зелёная, с пальцами толщиной в её запястье.

— Хозяйка! Хозяйка! Орк опять тарелки мечом рубит!

Марина открыла глаза. Над ней — потолок из тёмных балок. Потолок — неправильный. В её кафе в Твери — подвесной, белый, с точечными светильниками. Этот — деревянный, с паутиной.

— Что? — сказала Марина.

— Тарелки! Орк! Мечом!

Она села. Кровать — широкая, жёсткая, с соломенным матрасом. Комната — каменная, с одним окном (стекло мутное, скорее — слюда). На стене — полка с глиняными кружками. На полу — табурет, на табурете — таз с водой. Вода — холодная.

— Простите, — сказала она. — А где я?

Зелёная рука принадлежала существу. Существо было ростом с холодильник, с кожей цвета мха, бровями как ершики и глазами — честными, коричневыми, как у собаки.

— Хозяйка, вы опять перепили? Вчера же торговцы-гно-

мы приезжали — они вино как воду льют. Вы с ними до полуночи.

— Где — я? — повторила Марина, уже медленнее.

— В «Пьяном драконе», хозяйка. В вашей таверне. Вы здесь — хозяйка. Уже третий месяц.

ГЛАВА 2. «ПЬЯНЫЙ ДРАКОН»

Таверна называлась «Пьяный дракон». Марина узнала об этом, выглянув в окно. Вывеска — деревянная, с выжженной драконьей мордой (дракон выглядел пьяным) — висела над дверью. Под вывеской — улица. Мощёная. С фонарями (не электрическими — с огнём). С прохожими (не все — люди; некоторые — ниже пояса — лошади, выше — люди; некоторые — серые и каменные).

— Хозяйка, — позвало существо (его звали Грым, он был орком-посудомойщиком, и он мыл тарелки мечом потому что «мечом чище»). — Хозяйка, вы в порядке?

— Грым. Скажи мне... — Марина села на кровать. — Я вчера упала? Ударилась?

— Не-а. Вы вчера с гномами пили. Потом сказали: «Всё, не могу больше, у меня в Твери кафе стынет». Потом легли.

— В Твери?

— Вы иногда про какую-то Тверь говорите. Мы думаем — это деревня ваша.

Марина встала. Подошла к тазу. Умылась. Посмотрела в мутную слюду окна — отражение было её: сорок лет, короткие волосы, усталые глаза. Она — она. Но мир — не её.

— Грым. Слушай внимательно. Я, кажется, забыла. Как это называется... амнезия. Я забыла последние три месяца. Расскажи мне всё с начала.

Грым почесал затылок.

— Всё — это много, хозяйка.

— Начни с самого главного.

— Вы — Марина. Вы — хозяйка «Пьяного дракона». Вы варите суп, который лечит похмелье за пять минут. Рыцари едут из самой столицы — только чтобы поесть. А эльф...

— Какой эльф?

Грым замялся.

— Эльф приходит каждый день. Сидит в углу. Пьёт один и тот же чай. Не говорит. Уходит. Уже три месяца.

— Каждый день?

— Каждый.

ГЛАВА 3. МЕНЮ

Марина спустилась в зал. Зал был — большой, с восемью столами, камином и барной стойкой из тёмного дерева. За стойкой — полка с бутылками. На стенах — черепа (интерьер?). За столами — трое: рыцарь (доспехи, перо на шлеме, лицо красное от жары), два гнома (бороды, куртки, кружки больше их голов).

— Хозяйка! — рыцарь поднялся. — Борщ будет?

— Будет, — сказала Марина. — Через час.

Она ушла на кухню. Кухня была — её. Не по стилю (глинобитная печь, котлы, связки трав) — по духу. Чисто. Орга-

низованно. Ножи — в ряд. Доски — подписаны. На стене — список меню, написанный её почерком.

«Суп похмельный — 3 меди. Борщ рыцарский — 5 меди. Тушёная крольчатина — 8 меди. Каша „Как у мамы“ — 2 меди. Чай эльфийский — 1 медь».

«Чай эльфийский — 1 медь». Каждый день. Один и тот же чай.

Марина открыла печь. Внутри — тлеющие угли и чугунный котёл с борщом. Она попробовала. Борщ был — хороший. Не её рецепт (её — со свёклой и черносливом), но — близко. Как будто она уже здесь нашла замену и адаптировала.

«Я — попаданка, — подумала Марина. — Сорок лет. Вдова. Владелица кафе в Твери. И — хозяйка таверны в мире с драконами и орками. Три месяца я здесь живу. И судя по кухне — работаю хорошо».

Она взяла нож. Начала резать.

ГЛАВА 4. ЭЛЬФ

Он пришёл в шесть. Как всегда.

Эльф был — высокий, тонкий, с волосами цвета серебра (не седыми — именно серебряными) и глазами цвета льда. Красивый — не по-человечески. Как статуя в музее: хорошо, но не потрогаешь.

Он сел в углу. Как всегда.

Грым принёс чай. Как всегда.

Марина наблюдала из-за стойки. Эльф пил медленно. Чи-

тал. Не смотрел по сторонам. Не разговаривал.

Через час он встал. Оставил медь на столе. Ушёл.

— Грым, — сказала Марина. — Как его зовут?

— Не знаем. Мы зовём — Эльф.

— Три месяца он ходит — и вы не знаете имени?

— Он не говорит. Ни с кем. Никогда.

— А откуда он?

— Из леса. Он — лесной. Их — таких — мало. Они не любят города. И людей. И орков. И гномов. И вообще — всех.

— А почему ходит сюда?

Грым пожал плечами (плечи — как шкаф).

— Суп любит. Или — вас.

ГЛАВА 5. ЖИЗНЬ ПО РАСПИСАНИЮ

Таверна жила по расписанию, и расписание это — судя по записям на грифельной доске за стойкой — установила тоже я. Часам в этом мире не было (были солнечные — на площади, и песочные — у стражи), поэтому всё мерилось колоколом храма Всех Утешительных:

Шесть ударов — открываем. Семь — рыцари (завтрак после караула). Девять — обозники и гномы с рудников. Полдень — обед: полный зал. Три — тихий час (пьяных — по комнатам). Пять — вечерняя смена: эльф, стража, начальство портовое. Девять — кухня гаснет. Одиннадцать — закрываем.

Персонал: я — кухня и стойка. Грым — посуда, дрова, вынос, внос и миротворчество (если драка — Грым вста-

вал, и драка заканчивалась извинениями). Поварёнок Пип — мальчишка двенадцати лет, взятый с улицы — на пробу: худой, вороватый, но с идеальным нюхом на свежесть. Бывшая хозяйка (у неё я, получается, «унаследовала» дело — как, история отдельная) оставила ещё и тётку Матильду — уборку и смену соломы.

Постоянные гости — тоже расписаны, как поезда: сэр Каспар — рыцарь в отставке, тридцать пять, огромный, добрый, каждый день борщ и час разговоров о турнирах (в которых он «почти победил»). Стражник Бруно — смена через смену, каша «Как у мамы» и причина, по которой половина стражи у нас обедает. Меняла Дори — гном с рудников, считает быстрее весов, ест крольчатину по вторникам и четвергам и приносит городские новости с курсом сплетен.

Так я и жила: неделю — как на ладони. Таверна, тракт, колокол. И один и тот же чай в шесть вечера.

ГЛАВА 6. СУП С СЕКРЕТОМ

Про похмельный суп надо рассказать отдельно, потому что с него начались и моя слава, и мои неприятности.

Рецепт — мой, тверской: рассольник, которому я в Твери добавляла не огурцы, а мочёные зеленушки, и варила на вторичном бульоне — «чтобы печень не пугать». Здесь зеленушек не было — были местные «солёные слезники» (трава такая: растёт у дорог, где лошади плачут от оводов — не спрашивайте). Близко. Даже — интереснее.

И вот что я заметила на второй день: мой суп — работает.

Не как лекарство — как вышибала: выпил человек с вечера лишнего, утром — мутный, зелёный, стонет; тарелка супа — и через пять минут человек говорит: «Спасибо, хозяйка», — и уходит ровным шагом. Сначала я думала — совпадение. Потом — насыщенный бульон и рассол, физиология. А потом пришёл Бальтазар.

Бальтазар — городской алхимик, шестьдесят лет, борода с пояс, глаза — хитрые. Он поел супа, посмотрел на ложку, на меня, на ложку, на меня — и сказал:

— Хозяйка. Вы варите — с намерением.

— В смысле — с какао?

— С намерением. Намерение — «встань и живи». В нашем мире еда, сваренная с намерением, — это слабое зелье. Редко у кого выходит: у поваров с даром. У вас — выходит. Вы — маг еды. Слабенький. Но — настоящий.

Я, женщина сорока лет, стояла с поварёшкой и слушала, что я — маг. В Твери я была «просто Марина», вдова, кафе «У Мариного дома» на восемь столиков. А тут — «маг еды». Смешно? Смешно. Но суп-то — работал.

— Бальтазар. А научиться — можно? Усилить?

— Можно. Намерение — тренируется, как тесто: месишь, месишь — и вдруг поднимается. Только помните, хозяйка: еда с намерением — она и на вас действует. Пока вы варите для людей — вы сильная. Перестанете любить, для кого варите, — и дар уйдёт по тихой воде.

ГЛАВА 7. НЕДЕЛЯ ВОПРОСОВ

Эльф приходил в шесть. Я решила: если он молчит — это не значит, что нельзя поговорить. Я же хозяйка: у меня все гости говорят, я только подаю.

Понедельник. Поставила чай. Спросила: «Как прошёл день?» Молчание. Очень содержательное молчание, между прочим: у эльфов, оказывается, молчание — как погода: есть «молчание ясно», есть «молчание с осадками».

Среда. Спросила: «Вам покрошить мяту или листом?» Он показал два пальца. Я не знаю, что значили два пальца — «листом» или «два листа» — но положила листом. Он выпил. Значит — листом.

Пятница. Я — из вредности — рассказала ему всю свою жизнь: кафе, муж-водитель, восемь счастливых лет, аварию, кафе снова, «уже не для денег — для себя». Он слушал. Молчание в тот день было — тёплое. С южным ветром.

Воскресенье. Я споткнулась о табурет (перед закрытием, зал пустой), выругалась по-тверски — тихо, но душевно. И услышала: короткий звук. Как будто воздух — треснул. Как будто кто-то засмеялся — на полсекунды — и поймал себя.

Я обернулась. Эльф стоял в дверях, спиной, уже с медью в руке.

— До завтра! — крикнула я ему в спину.

Он не ответил. Но медь на столе — лежала. И ещё — что-то рядом: маленькое, завёрнутое в лист лопуха.

ГЛАВА 8. ЛОПОХ И ЧТО В НЕМ

В лопухе была ветка. Точнее — прутик с ягодами: мелки-

ми, тёмными, незнакомыми. Грым понюхал — и уважительно присел:

— Слезники лесные, хозяйка! Эти — не у дорог. Эти — только в глубине. За ними ходить — день пути. И они — не для еды.

— А для чего?

— Для отвара. Если человек — серый внутри... то есть — тоскливый... отвар — возвращает цвет. Мы, орки, в войну их собирали. Для своих.

Для своих. Слезники — за день пути. Каждый день — в шесть — чай. Значит, он ходит за день пути — чтобы принести их мне?

Я сварила отвар — на пробу, на себе. Мало ли: мало ли что за тоскливую бабу принимает молчаливый эльф.

Отвар был — горьковатый и тёплый, как разбавленный мёд с дымком. И — да, я это признаю: цвет ко мне вернулся в тот же вечер. Я поймала себя на том, что насвистываю, вытирая стойку. Свистела я в последний раз — лет шесть назад.

На следующий день в шесть он пришёл снова. Я поставила перед ним чай и — рядом — блюдце с отваром: «Это — тебе. Спасибо. Он — работает».

Эльф смотрел на блюдце долго. Потом — впервые за три месяца — поднял на меня глаза. Не «на хозяйку». На — меня.

И кивнул.

ГЛАВА 9. «ЗОЛОТОЙ КАБАН»

Через неделю после «слезниковой» истории в таверну пришёл человек, от которого пахло деньгами и шафраном. Гилдер — хозяин «Золотого кабана», второй таверны Вороньего Брода, что у моста. Шёлковый камзол, перстни, улыбка — как у зубного врача в моём мире: профессиональная и тревожная.

— Хозяйка Марина! — он поцеловал мне руку, не спрашивая. — Слава о вашем супе идёт по тракту до самой столицы. Я — с предложением.

Предложение было — «щедрое»: он покупает «Пьяного дракона» — с землёй, стенами и мной — «на жалованье, с процентом, всё честно, двадцать золотых сейчас». Двадцать золотых — это много. Это — нереально много.

— Гилдер, а если не продам?

Улыбка стала — на ползуба уже.

— Продадите, хозяйка. Тракт — штука капризная. То вода испортится, то дрова сырые, то клопы... а у соседей — хорошо. У соседей — «Кабан». Продадите — до осени. Похорошему.

Он ушёл, оставив на столе один золотой — «за беспокойство». Я золотой выбросила в кружку для чаевых. Пусть лежит: чаевые — честные, а этот — аванс за жадность. Себе — заберу, когда он его проглотит.

ГЛАВА 10. ПРОВЕРКА

Проверка пришла через три дня: сэр-стражник Лампе — «санитарная инспекция тракта» — с бумагой, со свитком и с

лицом человека, который сам всё это читает впервые. В бумаге — жалоба: «в супе таверны „Пьяный дракон“ — якобы зелье, от коего люди зависимы, и ходят по кругу, как приколдованные».

Гости — разом притихли. Сэр Каспар положил ложку. Гномы — перестали стучать. Грым — на всякий случай — взял ведро.

— Пройдём на кухню, хозяйка.

Мы прошли. Лампе тыкал носом в котлы, в лавку, в полки. Пип стоял навытяжку. Лампе зачерпнул рассольника, подул, попробовал. Постоял. Попробовал ещё. Посмотрел на меня — странно.

— Хозяйка. А можно — тарелку? Просто — так.

Он съел тарелку. Потом — вторую. Потом сел на табурет и сказал то, что я потом слышала от него же ещё сто раз:

— Это не зелье. Это — как у матери дома было. Только — лучше, потому что у матери было — редко, а у вас — каждый день.

Он вытер усы, встал, официально объявил: «Жалоба — не подтвердилась, состав — чистый, добро — настоящее» — и попросил добавки с собой. С тех пор стража обедает у нас всем караулом, а «клевета на суп» стала в Броде — местным анекдотом.

ГЛАВА 11. НОЧНАЯ ПОРЧА

Осечка у Гилдера вышла в ту же ночь, но — по-другому.

Утром в пятницу Пип прибежал из сарая белый: «Хозяй-

ка! Бочки!» Три пивные бочки — прокисшие. Не «забродили» — прокисли: в дубовом торце каждого — следы шила, тонкого, в трёх местах. Вино — целое, эль — целое, пиво — всё.

Грым понюхал дерево и сказал коротко:

— Уксусная закваска. По шилу — вдута. Кто-то — из своих лазил: чужой бы двор орал, а Дракон — молчал. Значит — подкупил лазутчика или — сам — тихий.

Мы с Грымом сели считать убыток: пиво — на четыре золотых, пятница — пивной день, зал — вполовину. Я думала плакать — передумала: у меня же — рассольник. Варила я его в тот день с намерением, скажу я вам, — как никогда.

Вечером зал был полон: пиво — «кончилось, хозяюшка жалеет, но — завтра будет новая партия, крепче прежнего», а вместо пива — «похмельный набор по-домашнему: суп, солёный слезник на закусь и грог с мёдом». Съели всё. Сэр Каспар сказал: «Хозяйка, у вас даже убыток — с прибытком».

А наутро у порога кухни — лежало перо. Не птичье: длинное, серебряное, с оплавленным концом — как от свечи. Грым перо поднял — и спрятал за пазуху со словами: «Эльфье. Обережное. Хозяйка, это — защита: кто с пером сунется — у того самого шило в торце — и найдут. Не в бочке».

ГЛАВА 12. ОПУШКА

В воскресенье я закрыла таверну «по случаю стирки» и пошла к лесу. Не с делом — с разговором: надоело мне говорить в пустоту зала.

Опушка Серебряного леса — в получасе от Брода. Лес как лес, только тише: птицы — вполголоса, листья — не шуршат, а звенят чуть-чуть, как чайные ложки. Я села на пенёк на кромке — дальше не пошла: не зовут — не суйся, это и в Твери правило, и тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.